

Глава 74. Суд Круглого стола

Размышляя о личности убийцы, расправившегося с его прошлым воплощением, Ли Цзяньчуань не сбрасывал со счетов других игроков. Впрочем, подобная вероятность казалась ничтожной.

За исключением врачей и полицейских, никто не знал о его увечьях: двух недостающих пальцев и поврежденных ногах. Но даже эти приметы вряд ли могли выделить его из толпы. Для человека, только что пережившего падение с высоты, переломы конечностей и порезы от битого стекла выглядели вполне естественными последствиями.

Главное же заключалось в другом: он, обладая феноменальной наблюдательностью, зорко следил за каждым встречным. Игроку было бы крайне сложно скрыть отсутствие пальцев, особенно если речь шла о медперсонале или полиции. В таких профессиях подобная травма мгновенно привлекла бы ненужное внимание, не говоря уже о том, что с таким ранением трудно оперировать пациентов или выезжать на оперативные задания.

Что же до остальных, то Ли Цзяньчуань всё время лежал на носилках, спрятав искалеченную руку в рукав. Не вступив с ним в прямой контакт, заметить столь мелкую деталь было невозможно.

Но если убийца — не игрок, то кто? И каков был его мотив?

«В любой момент вы можете погибнуть из-за причин, связанных с определенными уликами"...»

«Похоже, подсказка была дана с самого начала. Тот, кто убивает ради сокрытия истины или из-за найденных зацепок, может быть только преступником. Вполне вероятно, что "я" соприкоснулся с какой-то деталью, которая и привлекла внимание убийцы...»

Погруженный в раздумья, мужчина одновременно сканировал окружающее пространство. Он находился в тесной, порядком запущенной спальне.

Окон здесь не было, а тусклый свет лился от единственной лампы под потолком. В комнате царил хаос: вперемешку с жалкими остатками мебели на полу громоздились коробки из-под еды навынос, над которыми с противным жужжанием кружился рой мух.

Сам Ли Цзяньчуань сидел на кровати у стены. У подножья валялось грязное мужское белье и вонючие носки, а от скомканного одеяла исходил едва уловимый, но отчетливо неприятный запах.

Примечательной деталью были два костыля, прислоненные к краю кровати. Их гладкая, чистая поверхность и идеальное состояние резко контрастировали с общим убожеством комнаты. Было заметно, что они почти новые и не успели сильно износиться, хотя в последнее время

ими пользовались постоянно.

Зеркал поблизости не оказалось, и Ли не мог видеть своего лица. Однако на нем была надета чистая рубашка и классические брюки, а на переносице сидели очки. Судя по состоянию кожи и костей, он воплотился в мужчину средних лет. Аккуратно подстриженные ногти наводили на мысль о том, что этот человек занимался интеллектуальным трудом.

Обшарив карманы, Ли Цзяньчуань нашел связку ключей и бумажник. Внутри обнаружилось немного мелочи; документов не было, зато в потайном отделении лежала старая фотография. На снимке были запечатлены двое лучезарно улыбающихся молодых людей, имевших явное фамильное сходство. С большой долей вероятности они были родными братьями.

Он поднялся, опираясь на костыли, намереваясь обыскать спальню, но в этот момент снаружи раздались тяжелые шаги. В дверь громко и бесцеремонно забарабанили.

— Альберт! Ты внутри? Альберт!

Голос был грубым и зычным.

Раз уж он сам пришел сюда на костылях, скрыть свое присутствие было невозможно. Судя по всему, нынешняя личность находилась здесь на законных основаниях, а не пробралась тайком. Таким образом, Альбертом звали именно его.

Ли Цзяньчуань нашел в комнате пару перчаток и натянул их, скрывая отсутствие пальцев, после чего доковылял до двери и отпер замок.

За порогом стоял рослый, мускулистый мужчина в облегающей майке, подчеркивающей его мощное телосложение. Увидев, что дверь открылась, он широко улыбнулся и, не выказывая ни тени удивления, по-свойски подхватил Ли под руку.

— Хей, я так и знал, что найду тебя у Маленького Альберта, приятель!

Альберт и Маленький Альберт — еще два имени из того списка в газете за Круглым столом. Учитывая поразительное сходство и созвучие имен, сомневаться в их кровном родстве не приходилось.

Они вышли в гостиную, и Ли Цзяньчуань быстро окинул жилище взглядом. Это была типичная съемная квартира, заваленная всякой всячиной. На сушилке висела одежда, принадлежавшая, судя по всему, большой семье; под ней ютились детская машинка и футбольный мяч. Однако на балконе он приметил отдельную изящную вешалку, на которой сушилось женское белье свежих оттенков — скорее всего, оно принадлежало чистоплотной девушке.

В нормальных семьях редко встречается такая эклектичная смесь привычек и статусов разных

людей в одном пространстве.

Ли бросил взгляд на две другие закрытые двери и вдруг заметил, что одна из них слегка приоткрыта. Из щели за ним следил чей-то настороженный глаз.

— Следствие еще не закончено. Я знаю, как тебе больно, Альберт, как ты разгневан, но твой брат мертв. Тебе нужно жить дальше. Ты и так покалечился, скатившись с лестницы, так что прекрати шататься где попало!

Верзила оказался на редкость болтливым. Он продолжал разглагольствовать, пока вел Ли к выходу.

Ли Цзяньчуань, не зная этого человека и не желая рисковать, лишь изображал на лице глубокую скорбь и хранил угрюмое молчание. Из слов спутника следовало, что Маленький Альберт, скорее всего, был одной из четырех жертв. Новая личность Ли снова оказалась родственником пострадавшего, только на этот раз он сменил роль отца на роль брата. Квартира принадлежала покойному, и нынешний герой, судя по всему, часто навещал ее после трагедии.

Он вежливо отклонил помощь здоровяка, и они покинули жилой комплекс.

Район, где жил покойный, был в плачевном состоянии — старые кварталы города Мейн встретили их сточными канавами и кучами мусора. Даже небрежно одетый спутник Ли недовольно поморщился.

— Зачем ты искал меня? — Ли Цзяньчуань придал лицу озадаченное выражение, прощупывая почву.

Мужчина тут же воззрился на него и преувеличенно громко воскликнул:

— О, Альберт, только не говори, что ты всё забыл! Вчера в полночь ты позвонил мне и умолял отвезти тебя сегодня в участок, чтобы разузнать о деле твоего брата... Боже, неужели ты настолько обезумел от горя, что всё вылетело из головы?

— Теперь поздно идти на попятную! Ты задолжал мне шикарный ужин!

Увидев, что слова здоровяка не вызвали подозрений, Ли с легким досадой извинился:

— Прости, я действительно был не в себе. Я помню про твой ужин.

Поездка в полицию была именно тем, что ему требовалось. Нет лучшего места для расследования истины, чем управление.

Мужчина подмигнул и рассмеялся, распахивая дверь старенького седана. Ли забрался внутрь, и автомобиль, взревев двигателем, рванул в сторону полицейского управления Мейна.

Менее чем через двадцать минут они были на месте. По пути Ли Цзяньчуань заметил странную особенность: население города казалось изношенным. На улицах было много пожилых и людей зрелого возраста, но почти не было молодежи. Каждый уголок города буквально дышал усталостью и увяданием.

Войдя в здание полиции, Ли убедился в своих догаках: его спутник чувствовал себя здесь как дома. Он уверенно вел его по коридорам, приветствуя всех встречных. Офицеры окликали здоровяка по имени — Дэвид. Некоторые полицейские, завидев Альберта, тоже вежливо кивали, узнавая в нем постоянного посетителя.

— Дэвид, вы с Альбертом друзья? — спросил детектив Сидни, приглашая их в свой кабинет.

Верзила хохотнул:

— Ты же знаешь, Сидни, Альберт — уважаемый учитель. Мой племянник учится в его начальной школе, мы давно знакомы. Ну как, детектив, есть новости по делу на Тюльпановой авеню? Альберт — брат погибшего, он места себе не находит.

Офицер Сидни поставил перед гостями два стакана воды и, привалившись к столу, со вздохом потер виски:

— И не спрашивай, Дэвид. Дело — настоящая головная боль.

Ли Цзяньчуань взял стакан, но пить не стал. Память о недавней мучительной смерти после тарелки каши была слишком свежа. Похоже, отравитель, хоть и уступал в мастерстве Нин Чжуню, всё же был искусен и не гнушался грязных методов.

— О чем ты, Сидни? — с любопытством спросил Дэвид.

Заметив колебание на лице полицейского, здоровяк недовольно проворчал:

— Сидни, мы что, чужие люди? Мой дядя — заместитель начальника управления, Альберт — брат жертвы. Ты думаешь, мы пойдем помогать убийце? Я думал, наша дружба значит больше!

— Ладно, — детектив беспомощно развел руками. — Я ценю нашу дружбу, Дэвид. Скажу так: сейчас всё управление стоит на ушах. Прошло всего два дня с тех пор, как Салливана выпустили под залог, а Лаун — отец пострадавшего Андре — уже устроил ту демонстрацию с прыжком. Его спасли, но он внезапно отравился прямо в палате...

— Теперь на нас давит общественность. Залог Салливана аннулировали, его снова притащили сюда... Но ты же понимаешь: прямых доказательств его вины нет. Мы не можем закончить дело, а закон не должен прогибаться под требования этих лицемерных газетчиков...

Значит, Лаун действительно умер от яда.

Ли Цзяньчуань осторожно спросил:

— Господин Сидни, вы сказали, отец Андре был отравлен? Убийцу нашли?

Детектив вздохнул:

— Нет. Господин Альберт, раскрыть преступление — это не так просто, как кажется. Я понимаю ваше беспокойство из-за смерти брата, поверьте, мы делаем всё возможное. Но что касается отца Андре... найти того, кто его убрал, будет крайне сложно.

— Раз это был яд, то куда его подсыпали? Кто имел доступ к еде? Должны же быть зацепки, полиция ведь мастер в таких делах, — продолжал Ли.

Сидни кивнул:

— Вы правы. Лауна убили белым порошком без вкуса и запаха, подмешанным в рисовую кашу. Он ничего не заметил и съел ее, умерев прямо на месте. Эту кашу санитар купила в больничной столовой. Доступ к ней имели только работник раздачи и сама санитарка. Но при обыске у них ничего не нашли, к тому же они даже не знали погибшего...

— Ни улики, ни мотивов. Мы не можем выдвинуть обвинение только на основании того, что они касались этой миски.

Звучало логично, но Ли Цзяньчуань чувствовал, что какая-то деталь ускользает от него.

— В больнице наверняка много камер, — заметил он. — Неужели никто не мог подойти к ней в коридоре?

Работник столовой вряд ли был причастен — слишком большая случайность. Что же до санитарки, Ли помнил ее лицо перед смертью: ее ужас и шок были неподдельными. Ей не было смысла разыгрывать спектакль перед умирающим.

— За исключением лифтов, все камеры работают исправно. Санитарка совершенно спокойно несла поднос в палату, никто не приближался к каше, — ответил Сидни. — Камера в одном из лифтов барахлила, но санитар утверждает, что ехал один.

Ли Цзяньчуань не стал развивать тему. На лице Дэвида уже проступило удивление — чрезмерный интерес школьного учителя к смерти другого человека мог вызвать подозрения.

— Кстати, Сидни, — Дэвид внезапно хлопнул себя по колену. — Ты сказал, что этот подонок Салливан снова здесь? Где он? Альберт хотел взглянуть на него, а я переживал, что мы не достанем адрес. Раз он в управлении, это упрощает дело!

Альберт хотел видеть Салливана?

Ли Цзяньчуань был озадачен. Если Дэвид не лгал, то его нынешняя личность была вовлечена в это дело гораздо глубже, чем казалось. Зачем простому учителю лезть в логово врага? Что он искал в квартире брата: утешение или улики?

— О, это не проблема, — отозвался Сидни. — Салливан заплатил залог, так что он сидит не в камере, а в комнате отдыха. Если хотите, я провожу. К слову, сегодня утром Пэйн тоже приводил родственника другой жертвы... сына Джеймса. Бедный ребенок остался сиротой...

Разговаривая, они втроем направились к комнате отдыха.

Салливан оказался типичным прожигателем жизни. Когда они вошли, он с отсутствующим видом резался в приставку; звуки виртуальной битвы заполняли всю комнату.

Услышав скрип двери, он лениво приподнял веки и без малейшего интереса мазнул взглядом по вошедшим. Презрительно усмехнувшись, он закинул ногу на ногу.

— Я что, стал редким зверем в зоопарке, офицер?

Сидни промолчал — было ясно, что богатый наследник ему глубоко неприятен. Зато Дэвид с любопытством оглядел его и прямо в лоб спросил:

— Эй, так ты и есть Салливан? Это ты устроил ту резню на Тюльпановой авеню?

Лицо Салливана мгновенно потемнело.

— Это не я! Сколько раз повторять — это не я! Я не убийца! Стал бы я марать руки об этих нищих водил из трущоб? Не смешите меня! Да, они задели мою машину, я орал на них, был в ярости... В ярости, понимаете? Я наговорил лишнего, обещал прикончить их, но разве это мотив? Полиция что, ест дерьмо за деньги налогоплательщиков?!

Он был на взводе, но его гнев казался искренним. Впрочем, полиция всегда говорила лишь о «недостатке улик», а не об их отсутствии. Значит, на Салливана всё же что-то было. Что-то, что позволяло держать его в прицеле, но не давало защелкнуть наручники.

Ли Цзяньчуань внимательно наблюдал за Салливаном, изображая на лице смесь плохо скрываемой ненависти и праведного гнева:

— Мой брат был одним из тех водителей, которых ты так презираешь! Он умер страшной смертью, и у полиции полно зацепок против тебя! Салливан... если в тебе осталась хоть капля совести, признайся!

— Ты что, бредишь? — Салливан издал издевательский смешок и холодно посмотрел на Ли. — Я сказал — я никого не убивал! Плевать на ваши зацепки, у копов нет ни одного прямого доказательства моего участия. Если ты пришел нести эту чушь, советую убраться быстрее.

— Ублюдок! — Ли Цзяньчуань притворно вскипел.

— Альберт... — Дэвид поспешно схватил его за плечо.

Салливан высокомерно фыркнул и снова уткнулся в приставку, полностью игнорируя присутствующих.

— Ты слишком заводишься, — верзила буквально выталкивал друга из комнаты. Сидни тоже нахмурился: — Не устраивайте сцен, господин Альберт. Вы на пределе, лучше нам уйти.

Ли Цзяньчуань тяжело дышал, но его глаза в это время лихорадочно сканировали подозреваемого. Кивком отстранив руку друга, он направился к выходу вместе с остальными.

Но в тот самый миг, когда Дэвид уже потянул на себя дверь, а Ли оказался в самом центре комнаты, массивная люстра под потолком издала протяжный, натужный скрип.

Прежде чем кто-то успел реагировать, огромная тень стремительно обрушилась вниз!

Раздался оглушительный грохот. Люстра врезалась в пол, разлетаясь мириадами сверкающих осколков.

— Альберт! — в ужасе закричал Дэвид, бросаясь к нему.

Однако нынешний Ли Цзяньчуань уже не был тем вчерашним растерянным стариком. В то мгновение, когда раздался подозрительный скрежет, агент Ли, имитируя внезапную вспышку гнева, резко отшатнулся назад, словно хотел бросить Салливану еще одно обвинение.

Тяжелая антикварная конструкция рухнула, едва не задев кончик его носа.

— Боже! Альберт! Да ты просто счастливчик! — Дэвид замер с округлившимися глазами.

Сидни тоже выглядел потрясенным — это было слишком невероятным совпадением.

Ли Цзяньчуань изобразил крайнюю степень шока. Его руки дрожали, а очки едва не свалились с лица:

— О Господи... Я чуть не погиб! Такая громадина... Офицер Сидни, как такое могло произойти? Неужели в управлении настолько ветхие крепления?!

Он выглядел совершенно раздавленным. Еще секунда — и он повторил бы участь Лауна.

В душе он облегченно выдохнул. У него оставалось всего две жизни, и он не собирался разбрасываться ими зря.

Но означало ли это, что он снова наткнулся на какую-то ключевую нить?

Внешне оставаясь напуганным учителем, Ли в уме мгновенно прокрутил каждое слово и движение в этой комнате. Разгадка определенно была связана с Салливаном. Но в чем она заключалась?

Пока он мучительно соображал, Сидни с предельно серьезным лицом повел их в сторону комнаты охраны — детектив твердо вознамерился просмотреть записи с камер.

Не дойдя до входа в мониторную нескольких метров, Ли Цзяньчуань заметил на стуле в коридоре худощавого юношу.

У того были серовато-голубые волосы, перехваченные сзади в короткий хвост. Подросток сидел, уставившись в пол, и вся его фигура была окутана такой беспросветной печалью, что любому становилось ясно — этот ребенок переживает страшную потерю.

Услышав шаги, юноша поднял голову. Из-под мягких прядей на Ли Цзяньчуаня взглянули знакомые глаза — нежные, с легким оттенком меланхолии.

Увидев в них нечто родное, Ли невольно едва заметно улыбнулся. Он не спеша подошел ближе, опираясь на костыли, и уже собирался заговорить со своим доктором Нином, как вдруг его взгляд застыл.

Он смотрел на правую руку юноши.

Это была совершенно здоровая, целая рука.

Тонкие, красивые пальцы — ни одного увечья.

В это мгновение в его сознании словно распахнулась потайная дверь, и фрагменты головоломки сложились воедино. После расшифровки письма Рона, когда он призывал Дверь правосудия, Ли обратил внимание на одну странность. Он был крайне чувствителен к цифрам и расстояниям: дверная ручка находилась на высоте одного метра и двадцати сантиметров от пола. Однако Нин Чжунь, когда тянулся к двери, сделал движение на уровне метра десяти сантиметров.

Десять сантиметров разницы — для него это была колоссальная погрешность.

Все Двери правосудия идентичны. Ручки на них не могут быть на разной высоте.

Ответ был только один: перед Нин Чжуном никакой двери не было.

Ни двери, ни смертельной угрозы... а теперь еще и целая рука, доказывающая, что он не получал наказания от Круглого стола. Неужели Нин Чжунь вошел в эту игру не как игрок?

Взгляд Ли Цзяньчуаня стал ледяным. Он вспомнил то старое фото на стене в маленьком отеле, вспомнил Законы Нин Чжуна, которые он никогда не мог просчитать... Среди этого хаоса он внезапно нащупал истину.

— А, это же Фэйр, — Сидни, похоже, знал парня. — Познакомься, это Дэвид и господин Альберт. Альберт тоже потерял брата, Маленький Альберт был коллегой твоего отца. Он пришел узнать, как продвигается следствие. Я всё еще подозреваю Салливана, Альберт только что едва не погиб в его комнате...

Детектив продолжал что-то говорить, стуча в дверь мониторной, и не заметил, как при последних словах взгляд юноши на стуле мгновенно потемнел.

— Неужели? — юноша мягко улыбнулся и подошел к Ли Цзяньчуаню.

Ли осторожно, словно ища поддержки, сжал ладонь партнера. Не успел он ничего сказать, как услышал тихий, бархатистый голос Нин Чжуна:

— Господин Альберт не ранен? Этот убийца... он и впрямь заслуживает самой страшной смерти.
